

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОСЛѢДНЕМЪ ПОЛЬСКОМЪ МЯТЯЖѢ.

..... Въ концѣ іюля, или въ первыхъ числахъ августа 1863 года, мы узнали о несчастномъ дѣлѣ подѣ Жиржиномѣ. Какъ водится, сейчасъ поднялись толки: одни говорили, что все произошло отъ того, что позабыли отправить въ Иванъ-Городъ конвертъ, въ которомъ объяснялся порядокъ отправленія оказій; другіе, что это бы ничего, а инсургенты перехватили эстафету, посланную изъ Люблина въ Иванъ-Городъ, о небезопасности дороги; третьи только удивлялись, какъ въ Иванъ-Городѣ не знали, что, въ тридцати верстахъ отъ нихъ, собирались банды; четвертые.... Но развѣ можно передать, или даже вспомнить, что говорятъ въ такихъ случаяхъ, когда каждый чувствуетъ себя какъ-то неловко и только думаетъ, какъ бы не вышло, что я виноватъ въ бѣдѣ.

Послали за инсургентами нѣсколько отрядовъ, но они улизнули. Поднялся опять говоръ: стали рассуждать будто Янковскій (одинъ изъ предводителей) спасся только потому, что преслѣдовавшій его отрядъ остановился и тѣмъ далъ возможность Янковскому свернуть въ сторону отъ другаго отряда, который шелъ прямо ему навстрѣчу. Но, опять-таки, все это только рассказывали, а мало-ли чего не рассказывали въ Варшавѣ въ то время!

17-го августа я вернулся домой, какъ обыкновенно, часовъ около десяти вечера. Сожитель встрѣтилъ меня поздравленіемъ съ экспедиціей. Конечно, сейчасъ же распросы: что, какъ, зачѣмъ, почему? Оказалось, что идутъ три роты моихъ бывшихъ однополчанъ, эскадронъ улановъ, сотня казаковъ и два взвода ракетъ; что выступимъ послѣ-завтра; сначала должны держаться не вдалекѣ оказій, отправляемой въ Иванъ-Городъ, а потомъ сдѣлать попыскъ къ Калужину и Минску и вернуться въ Варшаву.

Ночь передъ выступленіемъ я спалъ мало, не отъ ожиданія виро-

чемъ: устроились проводы одному товарищу, который уѣзжалъ въ Петербургъ воспитывать юношество. Нельзя же было не идти на проводы, когда я съ нимъ жила въ и на квартирѣ вмѣстѣ, да вмѣстѣ же разъ угодили мы и на лишнее дежурство въ молодости. Но къ шести часамъ утра, 19-го, я былъ, какъ подобаетъ, на Московской рогаткѣ. Отрядъ тоже былъ готовъ и можно было бы двинуться, но насъ задержала оказія: то не было двухъ ротъ, которыя назначались специально для ея конвоировація, то казаки не явились, то подводъ оказалъ мало, такъ что мы, прождавъ понапрасно до девяти часовъ утра, ушли безъ оказіи. Она нагнала насъ уже на привалѣ въ Милоснѣ.

Переночевавъ на люблинскомъ шоссе, у Вулка-Млондзка, мы пустили оказію прямо по шоссе, а сами взяли вѣзъво и пошли въ Гарволину, черезъ Глинянку, Рудно и Волю-Старогродску. Сильный разъѣздъ нѣзъ вьезда улановъ и 25 казачковъ посланъ еще вѣзъво.

Въ Глинянкѣ насъ встрѣтили какъ старыхъ знакомыхъ.

Вообще помѣшники, которыхъ мы находили дома, принимали насъ необыкновенно радушно, даже до приторности. Одни предлагали намъ закуски (śniadania), чай (herbaty), кофе (kawka); другіе занимали пріятными разговорами, темою которыхъ, конечно, было разореніе края и неудовольствіе на заварившихъ кашу; барыня, и угощая, и разговаривая, зорко слѣдила, чтобы въ комнатѣ не было ничего народоваго. Въ душѣ онѣ, разумѣется, посылали къ *wszystkiem diablom* (ко всемъ чертямъ), но за нами была фактическая сила и принимать иначе онѣ не могли.

Въ Глинянкѣ мы узнали, что маганувѣ тутъ была партія «жандармѣвъ», которая направилась въ брестскому шоссе. Гнаться за ней не было дѣла, да и не вдно.

Не доходя Рудно, я отправился впередъ, чтобы выбрать мѣсто для привала. Не успѣлъ я дойти и до авангарда, какъ меня догналъ ординарецъ съ извѣстіемъ, что казаки открыли вѣзъво отъ колонны неприятеля. Я повернулъ назадъ. Проѣхавъ деревню Рудюенку, гдѣ была остановлена часть пѣхоты съ обозомъ, я увидѣлъ у Гржембишева какую-то кавалерію, противъ которой, забирая все вправо, неслись въ-разомъ казаки. За казачами шелъ на полныхъ рыскахъ эскадронъ; одна рота и ружья поднимались на высоту передъ деревней. Впереди казачковъ на «фуригатахъ», со шпагой при боку, носилась «наша медицина», дѣлая рекогносцировку.

Оказалось, что «своя свояхъ не познама»: нашими неприятелемъ былъ нашъ же разъѣздъ.

Послѣ часового привала въ Рудно, мы двинулись далѣе. День былъ жаркій, дорога песчаная и лѣсомъ; лошади едва вывозили обозъ, солдаты порядочно устали. За то съ какимъ удовольствіемъ мы узрѣли селеніе Волю-Старогродску, гдѣ предполагался двухчасовой привалъ!

Видъ деревни былъ не особенно красивъ: она была сожжена за нѣсколько дней во время стычки. Уцѣлѣли нѣсколько хатъ, да корчма, въ дверяхъ которой я столкнулся съ «нашей медициной».

— Банда есть, шепнула она мнѣ.

Начались распросы. Какой-то отставной унтеръ-офицеръ, жалующься на свою судьбу, говорилъ, что, верстахъ въ четырехъ, въ лѣсу, около деревни Пошла, должна быть банда, и что еще сегодня въ полдень жандармы провозили въ ту сторону какого-то помѣщика.

Генераль было подошелъ къ ротамъ, которыя только-что составили ружья, объявилъ о полученномъ извѣстіи, и прибавилъ, что чрезъ полчаса идетъ далѣе. Солдаты занялись переобуваньемъ.

Рѣшено идти къ Гарволину двумя колонами; правой (преимущественно пѣхота) прямо черезъ лѣсъ на деревню Пошла и Тромбли; лѣвой (почти вся кавалерія и одна рота), по болѣе открытымъ мѣстамъ, на Луковецъ и Жабеницъ. Первая должна была выгнать непріятеля изъ лѣса, вторая принимать его.

«Медицина» выстроила свою команду, прочла ей наставленіе о поведеніи и мы тронулись.

Я былъ въ лѣвой колонѣ.

Когда мы подходили къ Жабеницъ, у корчмы стояла толпа крестьянъ. Замѣтивъ насъ, они отошли въ поле и занялись работой, а четверо верховыхъ поскакали куда-то; передъ кабакомъ остались только человекъ пять-шесть навеселѣ. Колона пріостановилась; въ Тромбли послали разъѣздъ узнать о положеніи правой колонны, а сами занялись бесѣдой съ веселыми людьми и съ бѣглецами, которыхъ вернули казаки. Вдругъ изъ лѣсу, къ сѣверу отъ деревни, выскочили человекъ пять конныхъ, сунулись—было въ нашу сторону, но, увидѣвъ войска, дали два выстрѣла и поспешили прочь. Колона стала въ ружье; кавалерія выдвинулась впередъ, но всадники были уже далеко. Не болѣе какъ черезъ четверть часа, показался изъ лѣсу нашъ лѣвый разъѣздъ. Онъ спугнулъ партію жандармовъ, изъ которыхъ пятеро насъ и потревожили.

Часовъ въ восемь вечера, наша колонна подошла къ Гарволину и стала бивуакомъ на луку, у рѣчки. Правой колонны и обоза еще не было. Становилось сыровато.

Солдаты уже разложили по берегу костры и варили в котелках картофель. Намъ дали по чаркѣ, предложили картофелю, и мы, закуривъ сигары—последнее воспоминаніе о Варшавѣ—растянулись ничкомъ, головами къ костру.

За подобную выходку можно было поплатиться и холерой; но тутъ-на «маневрахъ»—какъ говорилъ начальникъ колонны—все сходило съ рукъ. Въ Варшавѣ я почти постоянно страдалъ лихорадкой; попадешь на сивозникъ, или дунеть ливній разъ, ну и знаешь, что вечеромъ, или поздно если на другой день, будетъ пароксизмъ. А въ экспедиціи у меня не было даже и насморка, хотя я постоянно спалъ на бивуагѣ. Успѣеть мнѣ вѣстовой подложить соломы, или есть мѣсто, куда бы я могъ перевертаться на время этой операціи—хорошо; вѣтъ—и на голой землѣ спишь отлично.

Часовъ въ девять пришла и правая колонна, пришелъ и обозъ.

Въ Гарволнѣ, согласно полученнымъ инструкціямъ, мы должны были распрощаться съ оказіей, и начать свои поиски къ востоку отъ шоссе. Но услужливые евреи сообщили намъ, что въ дѣсахъ, за Ласкаржевомъ, собираются банды и желаютъ устроить повтореніе Жиржина. Такъ какъ мы, съ своей стороны, этого вовсе не желали, то и рѣшили не покидать оказіи и проводить ее хотя до поворота шоссе въ Иванъ-Городъ.

Для нашей «протезе» требовалось столько подводъ, что къ слѣдующему дню собрать ихъ не могли и она принуждена была сдѣлать дневку. Мы же сдѣлали небольшой переходъ впередъ до станціи Генчицъ, отсюда, по слухамъ, непріятель былъ не болѣе какъ въ четырехъ верстахъ. Это было объявлено на аванпостахъ и имъ приказано пропускать черезъ цѣпь только почтовые кареты, да и тѣ должны были быть сопровождаемы казакомъ отъ цѣпи до отряда и отъ отряда до другой цѣпи.

Теперь встаетъ сказать о мѣрахъ охраненія, которыя мы принимали при остановкахъ. Дежурная рота становилась впереди другихъ, къ сторонѣ непріятеля и высылала, цѣпь кругомъ бивуака саженъ на 50 или на 100. На версту или на двѣ выставлялась вокругъ бивуака казачья цѣпь. Такъ какъ пикеты становились, по большей части, только на дорогахъ, да у овраговъ, то казаковъ расходовалось немного. Для повѣрки цѣпи и осмотра мѣстности, отъ дежурнаго взвода улановъ посылались вдоль цѣпи постоянные разѣзды изъ трехъ или четырехъ человекъ.

— Вы слышали? встрѣтилъ меня докторъ, когда я, исколесивъ

въ темнотѣ бивуагъ, вошелъ на станцію, гдѣ помѣщалась наша главная квартира.

Послѣ всѣхъ слуховъ, я, конечно, полагалъ, что дѣло идетъ о бандѣ.

— А, каковъ! продолжалъ онъ. Укралъ барана, связалъ, одѣлъ въ солдатскую шинель, надѣлъ на голову кепи и положилъ въ генеральскій фургоны. Каковъ, а?

Героизмъ этого событія былъ одинъ изъ безпардонной команды доктора. На другой день, передъ выступленіемъ, было совершено торжественное возвращеніе барана въ первобытное состояніе.

Казакъ на этотъ счетъ оказался похитрѣе. Разъ я понтересовался узнать, откуда они достали себѣ поросенка на обѣдъ.

— Да, шли мы, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ, черезъ деревню, а у жида въ это время свинья опоросилась. Жидъ и говоритъ: возьмите, казаки, поросенка, вѣдь мы все равно ихъ не ѣдимъ. Ну, мы и взяли.

Впрочемъ, и имъ не всегда попадались по дорогѣ такіе жида и съ таними свиньями. Разъ и имъ пришлось заплатить два рубля за подобный подарокъ, да еще и росписку представить, что деньги дѣйствительно уплачены.

Гарволинскіе слухи оказались пуфомъ, но мы все-таки продолжали держаться поближе къ шоссе, рассчитывая, что чѣмъ южнѣе мы свернемъ въ сторону, тѣмъ большій районъ захватимъ, да и глаза тоже отведемъ кому нужно.

23-го августа, во время небольшого привала въ Рыкахъ, одинъ еврей сообщилъ намъ, что, верстая въ четырехъ отъ шоссе къ востоку, по деревнямъ, есть банда.

Начальникъ отряда не желалъ сразу потревожить ее, если она дѣйствительно тамъ была, а, напротивъ, хотѣлъ укрѣпить ее во мнѣніи, что мы будемъ провожать оказію до самаго Иванъ-Города. Поэтому мы не только прошли до поворота, но даже повернули по иванъ-городскому шоссе и вошли въ лѣсъ. Тутъ отрядъ пропустилъ оказію впередъ и, сдѣлавъ часовой привалъ, повернулъ назадъ, перешелъ шоссе и, дойдя до д. Хросне, устроилъ облаву: двѣ колонны пошли лѣсомъ, правая (изъ кавалеріи) южнѣе. Ночлегъ назначенъ въ Новодворѣ.

Въ авангардѣ средней колонны шли человекъ 20 казаковъ; десять изъ нихъ по самой дорогѣ, остальные — цѣпью вправо и влево. Только-что они подошли къ лѣсу, какъ, рассыпанные влево, начали выходить на дорогу. Сначала я приписалъ это трудности движенія

цѣликомъ по лѣсу, и вообще любовь казаковъ къ обществу; но одинъ казакъ снялъ винтовку и началъ что-то пристально разглядывать.... Повстанцы, значить. Оказался старикъ-пастухъ, или дровосѣкъ, наслаждавшійся природой.

Въ Новодворъ правая и средняя колонны пришли рано. Первымъ дѣломъ, послѣ разстановки войскъ, была, конечно, забота о желудкахъ. Арендаторъ фольварка изъявилъ готовность снабдить насъ съѣдомымъ и мы усѣлись за... но трудно сказать за что: вѣрнѣе будетъ, усѣлись ѣсть.

Къ концу нашей ѣды, подошли и новости: вернулся разъѣздъ и привелъ четырехъ человекъ. Трое изъ нихъ были франты въ круглыхъ шляпахъ, пиджакахъ, ботинкахъ, верхомъ; четвертый: управляющій фольваркомъ Дворжець. Первые, конечно, ничего не знали и не были виноваты въ томъ, что хотѣли удрать отъ разъѣзда — они катались. Последний же сообщилъ, что у него ночевала конная банда, человекъ въ 120, а сегодня утромъ, забравъ подводы въ Грабовѣ-Шляхетскомъ, отправилась на сѣверъ. Когда нашъ разъѣздъ былъ тамъ, то подводы еще не вернулись, такъ что куда направилась банда было покрыто мракомъ неизвѣстности.

Какъ только пришла лѣвая колонна, мы тотчасъ просили генерала пустить насъ немедленно, объяснивъ, что мы уже отдохнули. Но рвеніе наше было умерено, и мы должны были ограничиться однѣми мечтами о завтрашнемъ подвигѣ.

Между тѣмъ, франты стали общительнѣе, и, по ихъ указаніямъ, мы еще завербовали трехъ человекъ изъ близлежащаго фольварка. Одинъ изъ этихъ былъ во временномъ отпуску и готовился возвратиться въ лѣсъ, въ то время какъ попалъ къ намъ.

24-го августа, въ пять часовъ утра, мы были уже въ Грабовѣ-Шляхетскомъ. Подводы вернулись и крестьяне объявили, что они отвезли повстанцевъ на дворъ Ягодне. Туда послали три взвода улановъ и 25 казаковъ, а остальной отрядъ пошелъ черезъ Окржею къ Соколу. Мнѣ приказали идти съ уланами.

Мы двинулись на полныхъ рысяхъ. Дорогою мнѣ пришло въ голову, что сегодня мой дядя именинникъ и что я обещаю пить за его здорье. Чѣмъ же я буду пить? — разсуждалъ я — вѣдь въ Желеховѣ (тамъ мы предполагали ночевать), пожалуй, шампанскаго и не найдешь. Затѣмъ явились мысли совершенно мирныя, и я не замѣтилъ, какъ мы дошли до Ягодне.

Казаки, вѣхавшіе боковыми дорожками, открыли слѣды цѣликомъ

черезъ поле, а помѣшникъ въ Ягодне откровенно сказывалъ, что у него были гости, но онъ не знаетъ, куда они пошли.

Казакъ началъ шарить по островамъ.

— Ваше высочайшее! Поляки! Вонъ, вонъ подъ лѣсомъ — говорилъ казакъ, указывая вправо. — Да, это ихъ обозъ, ваше высочайшее? вонъ и верховые! Ваши кони удираютъ!

Я посмотрѣлъ и увидѣлъ только пыль.

— Казакъ и наѣздники впередъ, эскадронъ рысью марш! — командовалъ полковникъ, и мы, бросивъ своихъ новыхъ знакомыхъ, пошли кочковатымъ лугомъ къ д. Гомдъ.

— Мы будемъ атаковать по-полуэскадронно, говорилъ на ходу полковникъ офицерамъ, а задній полуэскадронъ непременно долженъ держаться въ порядкѣ, а то всѣ бросятся и не соберешь потомъ.

Вотъ и атака, подумалъ я, и, отстегнувъ пистолетную набуру, попробовалъ, легко ли вынимается шашка.

Обозъ оказался стадомъ, верховые — пастухами: мы повернули обратно.

Въ это время, на дорогѣ изъ Овренъ, показавшаяся наша пѣхота и къ намъ прѣхалъ казакъ съ вѣстіемъ, что у Сокола будетъ привалъ.

Возвратившись въ Ягодне, мы, какъ гонимыя, начали отыскивать слѣды. Но еще, повертѣвшись около фольварка, пропадавъ совершенно: по одной дорогѣ ничего не было видно, но другой — только слѣды телеги, третья — замѣтена сохой или бороной. На-угадъ мы рѣшили идти на Генся-Вулку, но присланный отъ генерала казакъ свернулъ насъ на Хуту-Стару.

Въ Хуту мы пришли раньше отряда, и такъ какъ съ утра ничего не ѣли, то направились прямо въ корчму. Угощеніе было незавидное: простая водка и черствый хлѣбъ — больше ничего не нашлось. За то свѣдѣнія были хороши. Корчмарка сказала, что, часа два назадъ, мимо ея, по дорогѣ къ Ярчеву, прошли повстанцы, и дѣшкіе, и конные. Это вѣстіе было, конечно, передано по принадлежности, и отрядъ повернулъ на сѣверъ. Уданы и казакъ посланы въ головѣ колонны, чтобы, тотчасъ по выходѣ изъ лѣсу, схватить д. Ярчевъ, фольваркъ Ярчевъ и д. Новый-Святъ.

При выходѣ изъ лѣса, приславалъ корнетъ С. съ донесеніемъ, что за д. Дворней открыта банда.

Мнѣ было приказано развѣдать. Пришлось ѣхать чрезъ фольваркъ Ярчевъ. На дворѣ толпились хлопцы и смотрѣли не совсѣмъ благо-

склонно на казаковъ, которые неслись впередъ. На ихъ лицахъ, кажется, было написано: «чего обрадовались? экъ ихъ несетъ!»

За фольваркомъ, влѣво, я увидѣлъ полуэскадронъ улановъ, который шелъ на полныхъ рысяхъ впередъ; его наѣздинни уже перестрѣливались съ кѣмъ-то. Впереди меня неслись, пригнувшись къ сѣдламъ, казаки; вправо, взводъ улановъ, посланный сначала въ Новый Святъ, спѣшилъ на выстрѣлы.

Подъѣжая къ передовой цѣпи, я встрѣтилъ «медицину», уже удовлетворившую свою любознательность и возвращавшуюся къ отряду.

Конные инсургенты, отстрѣливаясь, отступали къ Мыслову, впереди которой виднѣлся ихъ резервъ. Можно было думать, что они не прочь добраться до лѣсу, который былъ за нихъ лѣвнымъ флангомъ. Я повернулъ вдоль цѣпи направо, чтобы ѣхать къ генералу. Сзади меня раздава «жалобный свистъ»: моя лошадь рванулась впередъ. «Вотъ оно, какъ пули-то свистятъ!» мелькнуло у меня въ головѣ...

Роты, несмотря на пройденныя уже тридцать верстъ, шли полнымъ шагомъ. Впереди ихъ, какъ и всегда, на казацкой лошади, правая рука на задней лугѣ, ѣхалъ нашъ сѣдой генералъ. Я ему доносилъ о неприятелѣ. Роты направились правѣ Мыслова.

Я надѣялся, что матежники захотятъ насъ задержать въ деревнѣ и мнѣ уже рисовались картины штурма; но взводъ улановъ и казаки, бывшіе на правомъ флангѣ, совершенно спокойно обошли деревню справа и двинулись далѣе. Я отправился за ними. Проѣхавъ Мысловъ, у котораго я встрѣтилъ двухъ бабъ, отчего-то горько, прегорько плачущихъ, я забрался на холмъ и, къ своему удивленію, увидѣлъ, что ложиною, отъ деревни къ лѣсу, идетъ какая-то пѣхота, построенная въ правильную колонну. У повстанцевъ пѣхоты я не предполагалъ; что же касается до словъ корчмарки, то вѣдь и кавалеристы могли набить спины лошадямъ и путешествовать по образу пѣшаго хожденія. Но вскорѣ на солнцѣ блеснули косы и сошнѣнія исчезли.

Баронъ О., командовавшій взводомъ улановъ (изъ Нового-Свята), тоже замѣтилъ повстанцевъ и, прибавивъ рыси, началъ забирать все вправо, чтобы отрѣзать ихъ отъ лѣса. Слѣва, изъ-за небольшого перелѣсна, показались наши казаки и уланы: это были наѣздинни, высланные отъ полуэскадрона, и взводъ барона А. Последній былъ посланъ въ деревню Ярчевъ для осмотра, но, услышавъ выстрѣлы, пошелъ напрямикъ черезъ поля, на соединеніе съ эскадрономъ. Замѣтивъ потомъ, что эскадронъ взялъ влѣво (онъ свернулъ къ деревнѣ Волѣ-Мысловской, за которой виднѣлась пыль

отъ удравшихъ подводъ); а выстрѣлы удаляются вправо, А. повернулъ на послѣднѣе ш., обогнувъ Мыловъ сѣва; какъ разъ вышелъ во флангъ отступающей пѣхоты инсургентовъ. Вообще, эти два взвода дѣйствовали превосходно. Посланные въ стороны, не получивъ никакихъ приказаній, они руководствовались одними выстрѣлами и являлись какъ-разъ на мѣсто, и какъ-разъ во-время.

Неприятельской конницы уже не было: она испарилась, оставивъ на жертву свою пѣхоту, которая, нужно отдать ей справедливость, вола себя честно. Угрожаемая атакой кавалеріи, она, конечно, спѣшила добраться до лѣсу, но шла въ порядкѣ, пострѣливая въ подѣлывавшихъ близко наѣздниковъ и казаковъ. Баронъ О., выйдя со взводомъ на лѣвый флангъ колонны, сдѣлалъ вѣздъ налѣво и бросился въ атаку. Наѣзники и взводъ барона А. атаковали съ другой стороны. Колонна пріостановилась, раздались нѣсколько выстрѣловъ; одинъ уланъ съ лошади нопалился на землю... Приведенная дружнымъ ударомъ къ безпорядку, келона сомкнулась вновь въ кучу и, отбиваясь отъ непрерывныхъ атакъ кавалеріи, постепенно отступала къ лѣсу, оставивъ по дорогѣ 60 человекъ изъ 120. За то и наша потеря была незначительна: изъ полуэскадрона выбыло: 1 убитый, 2 смертельно-раненныхъ и 8 легко; командовавшій наѣздниками штаб-ротмистръ С. раненъ штыкомъ въ руку, юнкеръ Т.—косой въ голову, да у одного казака рука была порублена.

Когда взводъ барона О. взялъ вправо, чтобы отрѣзать инсургентовъ отъ лѣса, я продолжалъ ѣхать по дорогѣ. Остановившись на пригоркѣ, я увидѣлъ передъ собою небольшую лошадку, въ которой покоились раненые; за ней маленькое возвышеніе, гдѣ уланы и казаки справлялись съ повстанцами.

Вдругъ раздались крики: «доктора! доктора!» и одинъ казакъ понесся назадъ. Наша «медицина» была уже тутъ, но крики не прекращались. Повстанцы имѣли полное право думать, что зацѣпили какогонибудь доводца. Я предложилъ казакамъ побережъ ихъ легкія. Выѣхалъ уланъ и началъ просить фельдшера. Я поинтересовался узнать, какъ онъ раненъ: вмѣсто праваго носка была какая-то красная масса; подошва болталась внизу. Меня передернуло—и не мудрено: я еще въ первый разъ видѣлъ изнанку военной медали. Вышелъ еще уланъ пѣшкомъ, сѣлъ на дорогѣ и, обращаясь къ подходившей пѣхотѣ, сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ: «пошлите фельдшера».

— Ты раненъ?

— Да, раненъ, отвѣчалъ онъ, усаживаясь поудобнѣе.

Т. LXXVI. Отд. I.

Головная рота выслала цѣпь и мы вошли въ лѣсъ. Повстанцевъ какъ не бывало. Кавалерія, какъ сказано уже выше, удрала заблаговременно, а пѣхота, т. е. оставшіеся 60 человѣкъ, добравшись до лѣсу, разбрелись во всѣ стороны. Мы прослѣдовали широкимъ фронтомъ до деревни Гродзь и потомъ вернулись назадъ.

Возвращаясь по дорогѣ, по которой отступала повстанская пѣхота и которая теперь обозначалась убитыми и ранеными, я заставлялъ себя разсматривать каждый трупъ. Нечего и говорить, что пріятнаго въ этомъ не было ничего; но и далеко не такъ непріятно, чтобы, по выраженію одного бывалаго, «ни ѣсть, ни спать три дня и три ночи». Конечно, все зависитъ отъ нервовъ, но они у меня далеко не крѣпки. Раны были все сабельныя или отъ пикъ; я только видѣлъ одного убитаго пулей. Большая часть фвізіономій сильно попорчены. Сапоговъ не было ни у кого.

Лавируя между тѣлами, мы вдругъ наткнулись—на чтобы вы думали?... на дамскій зонтикъ. Ведя затишье, мы увидѣли вдали не старую еще панни, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, подпоясанную широкимъ кожанымъ кушакомъ, и съ заплаканными глазами. Съ ней была молоденькая крестьянка съ ведромъ воды. Панни эта была одна изъ тѣхъ, которыя приняли на себя роль сестеръ милосердія и слѣдовали за бандами. Когда мы вошли въ лѣсъ для преслѣдованія, она явилась съ мызы около Мыслова, чтобы подать помощь раненымъ повстанцамъ: но страшныя раны, а можетъ быть и непривычна, произвели на нее такое впечатлѣніе, что первымъ ея движеніемъ было кинуться прочь. И немудрено, особенно если она наткнулась прежде всего на раненаго, котораго я видѣлъ во время атаки: онъ всталъ и хотѣлъ идти, но голова его свѣсилась впередъ и онъ опять упалъ. Мнѣ показалось при этомъ, что его шея обмотана краснымъ шарфомъ.... это была рана.

Дама обратилась къ генералу, по-французски, съ просьбою приказать не прикалывать раненыхъ. Отвѣтъ ей, конечно, былъ тотъ, что мы лежачихъ не бьемъ, а только тѣхъ, которые встрѣчаютъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Любезность «московскихъ палачей», какъ крестили иногда насъ въ «Wiadomości z pola bitwy», не ограничилась однимъ увѣреніемъ: мы сбросили вещи съ двухъ подводъ и послали ихъ для перевозки раненыхъ повстанцевъ на мызу. Туда же отправились нѣсколько офицеровъ, солдатъ, а потомъ и докторъ. Десять инсургентовъ, оказавшіе признаки жизни, были подняты; шестеро изъ нихъ умерли въ ту же ночь.

Между тѣмъ, отрядъ собирался у восточной оконечности Мыслова. Солдатамъ раздавали водку. На одной или на двухъ повозкахъ слышались стоны. Генералъ поздравлялъ улановъ съ блистательной атакой. Въ рядахъ полуротна видѣлись повстанскія лошади, закованные убитыхъ; на головахъ нѣкоторыхъ солдатъ — зеленныя конфедератки, на мѣсто утерянныхъ въ бою кони.

Почетъ, какъ я говорю выше, предполагался въ Желеховѣ. Но усталость солдатъ, которые, поднявшись въ три часа, имѣли только полуторачасовой привалъ у Сокола (уланы отдыхали только у Хуты Стары, пока не подошла пѣхота, т. е. не болѣе получаса), и позднее время (шесть часовъ пополудни), такъ что нельзя было рассчитывать придти на мѣсто засвѣтло, заставили остаться ночевать у Мыслова. Я поѣхалъ, съ начальникомъ отряда, выбирать мѣсто для бивуака. Найдя его на противоположномъ концѣ деревни, мы послали ординарца за отрядомъ, а сами слѣзли съ лошадей и преспокойно закурили папирсы. Не прошло и пяти минутъ, какъ посланный вернулся вскачь съ извѣстiемъ, что поляки наступаютъ. Мы поспешили черезъ деревню къ отряду. Влѣво отъ улицы горѣлъ какой-то сарай; кругомъ его стояли пѣхотная и кавалерiйская цѣпи; по улицамъ бѣгали жители, бабы голосили немилосердно; изъ горѣвшаго овина долетало отчаянное хрюканье свиней.

Оказалось, что нѣсколько отставшихъ, а можетъ быть и струсившихъ, повстанцевъ забрались въ овинъ и теперь думали, устроивъ пожаръ, воспользоваться суматохой и дать тягу. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили; но, конечно, могло быть, что они подожгли сарай и нечаянно. Сарай тотчасъ же окружили, и солдатамъ удалось вытащить одного изъ спрятавшихся; другiе же бросались внутрь. Спасти ихъ, если они сами не имѣли желанiя высочить, было рѣшительно невозможно: пламя охватило сразу все строенiе.

Вытащенный изъ овина былъ молодой еще хлопецъ, одѣтый въ мундиръ чернаго сукна, покроя какъ у нашей гвардiи, съ малиновымъ воротникомъ, кантами и лацканами; шаровары сѣраго сукна, съ малиновыми же лампасами, были опущены въ сапоги. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно и озирался, какъ помѣшанный, когда его два солдата чинно, подъ-руки, повели по улицѣ къ отряду. Ему, вѣрно, казалось, что его ведутъ на казнь. Впослѣдствiи онъ ободрился и потѣшалъ солдатъ на походѣ.

Благодаря усилiямъ солдатъ, пожаръ ограничился сараемъ, да еще однимъ надворнымъ строенiемъ. Первымъ слѣдствiемъ его былъ повальный обыскъ и въ деревнѣ, и на фольваркѣ: если въ-

сколько человекъ забрались въ сараи, то отчего же другимъ не спрятаться въ домахъ?

Эти догадки, по правдѣ сказать, весьма несовременныя, были причиною, что отрядъ сталъ на bivуакъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Но и тутъ онъ нашелъ немного покоя: поднялся сильный вѣтеръ, съ запада налетѣла туча, свернула молнія и разразился ливень. Для любителя картина была недурна: съ одной стороны — деревня и фольваркъ, озаряемые догорающими сараями, съ другой — bivуакъ съ кострами, по временамъ — молнія. Но я, утомленный разнообразными тревоженіями дня, предоставилъ другимъ любоваться зрѣлищемъ. Передавъ, чтобы усилить цѣпь, и упомянувъ о предосторожностяхъ на случай нечаянныхъ нападѣній, я послѣдилъ въ палатку, которую захватилъ одинъ изъ офицеровъ, и, сунувъ подъ голову сѣдельный чемоданъ, преспокойно заснулъ. Сквозь сонъ я слышалъ, какъ палатка набилась офицерствомъ, какъ они закусывали, шумѣли. Будили, конечно, и меня, но потомъ оставили въ покоѣ.

За наши труды 24-го числа, намъ былъ данъ на слѣдующій день отдыхъ до двухъ часовъ дня. Погода была великолѣпная, пожалуй даже лучше чѣмъ вчера, потому что не было такъ душно. Солдаты обсушились и отдохнули.

.... Здѣсь нелишне сказать, что роты, составленныя изъ безсрочно-отпускныхъ, имѣли другой отпечатокъ, нежели тѣ, гдѣ была молодежь, поступившая на службу во время восточной войны: сравненіе было не въ пользу первыхъ. Возьмемъ для примѣра выносливость. Переходы мы дѣлали положительные, на привалы тратили времени немного (*), такъ что солдаты имѣли полное право уставать. Но гдѣ бывали отсталые, гдѣ случалось подслушать неудовольствіе на большой переходъ? У людей бывалыхъ! Молодежь же, казалось, чѣмъ больше переходъ, тѣмъ скорѣе она шла. Особенными ходами была у насъ 1-я стрѣлковая рота. Когда она въ головѣ колонны, то кавалеріи не зачѣмъ сдерживать лошадей, а обозъ — такъ и иди рысцою. На десятый день мы шли изъ Минска въ Варшаву. Выступили въ 4^{1/2} часа утра, на дорогѣ у Дембе-Велки сдѣлали получасовой привалъ, а въ Милосну пришли безъ четверти девять. Это 22^{1/2} версты.

(*) Отъ Вулки-Млонзка до Гарволина болѣе 50 верстъ; привалы у Рудно часъ и у Воля-Старогродски полъ-часа. Отъ Жабянки на иваногородское шоссе, а потомъ къ Новодвору около 50 верстъ привалы у Рыкъ полъ-часа и въ лѣсу часъ. Отъ Новодвора къ Мыслову, оттуда къ д. Гродзь и опять къ Мыслову верстъ 50; привалъ у Сокола полтора часа. Отъ Сточека, черезъ Кулелевъ и Цыловъ, къ Минску болѣе 40 верстъ; привалъ у Кулелева два часа.

Передъ выступленіемъ отъ Мыслова, мы должны были похоронить двухъ улановъ: одного убитаго наканунѣ, другаго — умершаго ночью отъ ранъ. Отрядъ построился подъ угломъ; одинъ фась составили кавалерія и ракеты, другой пѣхота. Процессія показалась съ праваго фланга: впереди — пѣвчіе, четыре или пять солдатъ съ ружьями, безъ шапокъ; за ними — эскадронный командиръ; даѣе — два простыя гроба. Отрядъ отдалъ честь, барабанъ ударилъ походъ, затѣмъ все сняли шапки. Эскадронный командиръ прочелъ нѣсколько молитвъ и гробы опустили. Церемонія была слишкомъ проста, а потому именно сильно тянула за душу.... А вѣдь, вѣрно, уланы Дидиченко и Раховъ, поступаая въ полкъ на берегахъ мирнаго Волхова, и не думали, что имъ придется успокоить свои кости далеко, на бугорѣ, у какой-то польской деревушки Мыслова....

По дорогѣ въ Сточеку мы могли убѣдиться, на сколько въ то время была сильна вѣра жителей въ силу жонда народоваго. Въ д. Волѣ-Кисельской намъ проболтался одинъ мужикъ, что солтысъ собиралъ по десяти злотыхъ съ дыма. Позвали солтыса. Захваченный врасплохъ, онъ сознался, что собиралъ, по приказанію квендза въ Сточекѣ, Павловскаго, которому и передалъ деньги. Генералъ предложилъ ему забрать все съ собою и идти съ нами.

— A to dla czego, panie? (Для чего же это)? спросилъ солтысъ.

Ему объясняли, что такъ какъ Павловскій такой полезный человекъ, то мы его возьмемъ къ себѣ, и что жондъ, быть можетъ, будетъ недоволенъ этимъ и отнесется къ рекомендаціи солтыса не совсемъ благосклонно. Солтысу предложили убѣжище въ Варшавѣ, а не то и въ Россію переселиться, ибо земля наша велика и обильна еще и до сихъ поръ.

— A to nie, prosze pana. Jozz wszystko jedno; bde ty czekać na karę (нѣтъ, ужъ все равно: буду ожидать наказанія), отвѣтилъ солтысъ. Ему казалось невозможнымъ избѣгнуть суда жонда народоваго даже и въ Россіи.

Павловскій, конечно, не захотѣлъ знакомиться съ нами и исчезъ. Отъ развѣздовъ же узнали, что, день или два тому назадъ, инсургенты были въ Серочинѣ.

Похоронивъ третьяго улана, умершаго на дорогѣ отъ ранъ, мы двинулись на слѣдующій день на Серочинъ и до Іерузаля шли по слѣдамъ какой-то банды. Въ каждой деревнѣ, которую мы проходили, намъ говорили, что были повстанцы и пошли туда-то, все по направленію къ сѣверу. Наконецъ, въ Іерузалѣ намъ сказали, что партія повернула на западъ. Послали улановъ и часть казаковъ на

Венжичинь, а сами перешли къ Буфлеву, гдѣ и остановились на привалъ. Подошли туда и уланы, сообщившіе, что партія, которую мы преслѣдовали, состояла человекъ изъ пятидесяти конныхъ и повернула на югъ.

Къ вечеру мы пришли въ Минскъ, гдѣ былъ штабъ одного изъ гренадерскихъ полковъ, и хотя стали бивуакомъ, однако эту ночь отдыхали всѣ.

Сдѣлавъ здѣсь дневку, мы прямо по шоссе вернулись, 28-го, въ Варшаву.

По приѣздѣ въ Варшаву, я засталъ своего генерала со штабомъ за завтракомъ. Въ рукахъ у него было только-что полученное наше донесеніе о стычкѣ подъ Мысловомъ.

в.